

К 556 / 417

№ 26 ОКТЯБРЬ МОСКВА 1941

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ГОД ИЗДАНИЯ XX

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

К Р О К О Д И Л

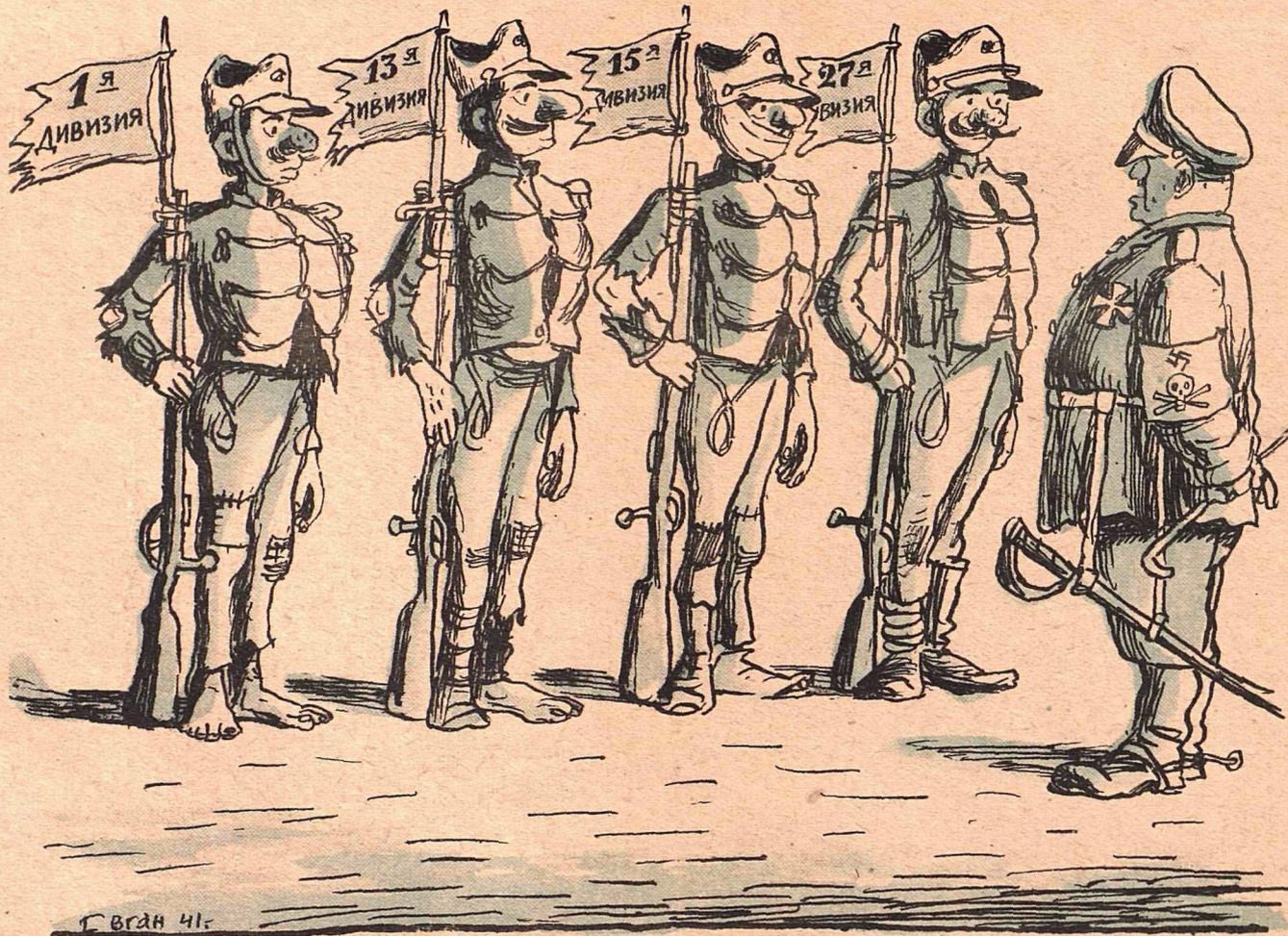

ЗАБЛУДИЛИСЬ

Рис. К. Елисева

— Наконец-то мы попали в расположение наших частей!

Рис. Евгана

— По порядку номеров рассчитайсь!..

Какой будет зима

ПОДЛЕ водяной мельницы сидел старик Данила Савостин и, работая иглой, что-то чинил. Как раз в это время барин и барыня Неклюдовы, осмотрев бывшее свое поместье, спустились к реке, к водяной мельнице, и тут увидели Данилу.

Надобно сказать, что накануне этого дня в деревне был сход, но на сходе говорили только немецкий офицер да барин Неклюдов, а крестьяне не проронили ни слова. Офицер назначил сельским старостой Евсея Климова, но ночью Евсей ушел куда-то, видно, к партизанам. А господам обязательно надо иметь в деревне какую-то опору, надежных подручных, и у Неклюдовых, увидевших Данилу Савостина, явилась, верно, мысль: может быть, этот дедушка послан им как бы богом.

— Узнаешь меня, старик?—спросил барин. Минуты через две Неклюдовы сидели на бревне и беседовали с дедом.

— Поломали, растащили,—гневно говорила барыня,—и думали, что уже управы на вас нет! Вот как порасстреляют половиину села,—узнаете. И за все придется платить, за все. Ведь во всем уезде такого дворца не было, а вы...

Данила кротко проговорил:

— Пожалуй, верно, что во всем уезде не было.

А барыня волновалась все сильнее:

— И за мебель заплатите, и за ковры, и за оранжерею, и даже за каждую... каждую... Видно, хотела сказать: «И даже за каждую ось»,—но забыла слово и проговорила:

— За каждую палку, на которой вертятся колеса!

Как ни гнева была барыня, лицо Данилы выражало спокойствие и даже беззаботность. Барин спросил его, что это он шьет.

— Да вот порты зимние чиню,—учтиво сказал Данила.—Чуйка у меня была, ваше благородие, и кожух был на овечьем меху, так...

Ему неудобно и даже опасно было сказать, что чуйку и кожух взяли немцы, и он сказал:

— По военному времени, ваше благородие, вот только с портами остался. А зима-то нынче будет—и не приведи бог какая лютая будет. Кто если непривычный, так того никакая печка не упасет.

— Думаешь, лютая будет?—переспросил барин.

Старик чуть ухмыльнулся и показал на леса:

— Да вы и сами глядите, ваше благородие. Вон хоть ежа взять. Он себе логово когда строит? В ноябре месяце строит. А нынче, скажи на милость, еще сентябрь месяц не кончился, а он уж в логово залез, да и логово-то построил не как обыкновенно, а в два яруса. Истинное мое слово. Ежа не обманешь: он чувствует, какая зима будет...

— Вот и хорошо!—прервала барыня Данилу.—Все эти партизаны до единого перемерзнут там, в лесах да болотах...

Дед изобразил на лице нечто схожее с сочувствием, но, покачав головой, кротко возразил:

— Эти ничего не боятся. Для них чем лютей мороз, тем им свободнее. Они, поди, под землей живут. Там им тепло. Печки, поди, наладили, дымоходы хитрые устроили, щикашу себе варят и только зимы ждут.

Дед усмехнулся и как бы неодобрительно покачал головой:

— Зарылись под землю и вот поди найди их. Чорт их найдет! А ведь их там бо-о-ольшие тысячи. И пулеметов, слышно, натащили, и бомбов, и шут чего. Морозы пойдут, выги

пойдут—немец затрясется да в избу, а они—здравствуйте, пожалуйста—из ружей, да из пулеметов, да бомбами, бомбами... Ах ты, господи ты мой, многомилостивый... Как наваяются, как почнут крошить,—где рука, где нога. Ну, мне-то уж ладно, я свое отжил, а вот прочие которые...

Посыревшим голосом барыня произнесла:

— Так тебе, старик, надо сейчас же об этом донести: скажи офицеру, где они прячутся... Дед покачал головой:

— И сам бы, может, ваше благородие, рад дознаться, где они прячутся, да не могу глядеть сквозь землю. Вот мы тут теперичи разговариваем, а под нами, может, тайная какая дыра, и там их человек двадцать сидит. С бомбами. Даже вполне свободно это может быть.

У барина задергалась щека, на лбу заходила кожа.

— А может, и не тут,—продолжал старик,—может, вон за теми ветелками. Разве они кому сказываются? Ведь вот у нас, или вон в Осташкове, или в Грибовке, или в каком другом селении сколько было мужиков! Ну, которые ушли с Красной Армией, которые—в тыл, а другие прочие? Ведь никого не видеть. А они все тут. Все! Только ждут своего часа. И...

Дед замахал руками:

— И не приведи бог, чего тут еще будет! Помолчал, перекусил зубами нитку, которой чинил порты, раздумчиво проговорил:

— Я так по своему разуму считаю: война еще как следует быть и не началась.

— Глупости, старик, говоришь!—озыбшим голосом сказала барыня.—Немцы уже много городов заняли.

— Как вы смели, полковник, бежать с поля боя?
 — Разрешите доложить, господин генерал, я не бежал... меня гнали.

— Я и говорю, что заняли,— согласился дед.— Вчерась иду из Гуцевки, на мосту грузовикверху колесами стоит. Подле три немца валяются без дыхания. А уж стемнело. Надо, думаю, скорей бежать. Гляжу: на мосту люди стоят с ружьями. Словно бы немцы. И хочу в обход идти, а они за мной: «Стой, ни с места!» Подбегли, гляжу: совсем даже не немцы, а мужики. Только не наши, а, может, грибовские, может, макарговские. «Барин,— спрашивают,— к вам приехал?» Говорю: «Приехал». А они: «Землю себе требует?» Говорю: «Требует». А они: «Мы,— говорят,— к Октябрьской годовщине, когда ночки будут похолодней да подольше, прове-

дем для вашего барина полное землеустройство: метр в ширину, два с половиной метра в длину...» А чьи они, эти мужики, я и не спросил, вроде побоялся, но сказал им: «А ведь дела, мужики, плохие: он, пишут, Днепропетровск забрал...» А они: «На свою,— говорят,— голову забрал, потому что ему обратно сгнать будет трудно. Одно,— говорят,— дело— пятьдесят километров сгнать и другое дело— пятьсот. Ни одной души до границы не допустим...» А главное, уж больно их много, и злы— не приведи бог, и только ждут своего часа...

Где-то у леса или в самом лесу прозвучали выстрелы.

— Дедушка,— ломким альтиом произнесла барыня,— проводи нас, будь добр...

Барин вздрогнул и торопливо сказал:

— Да, проводи, пожалуйста.

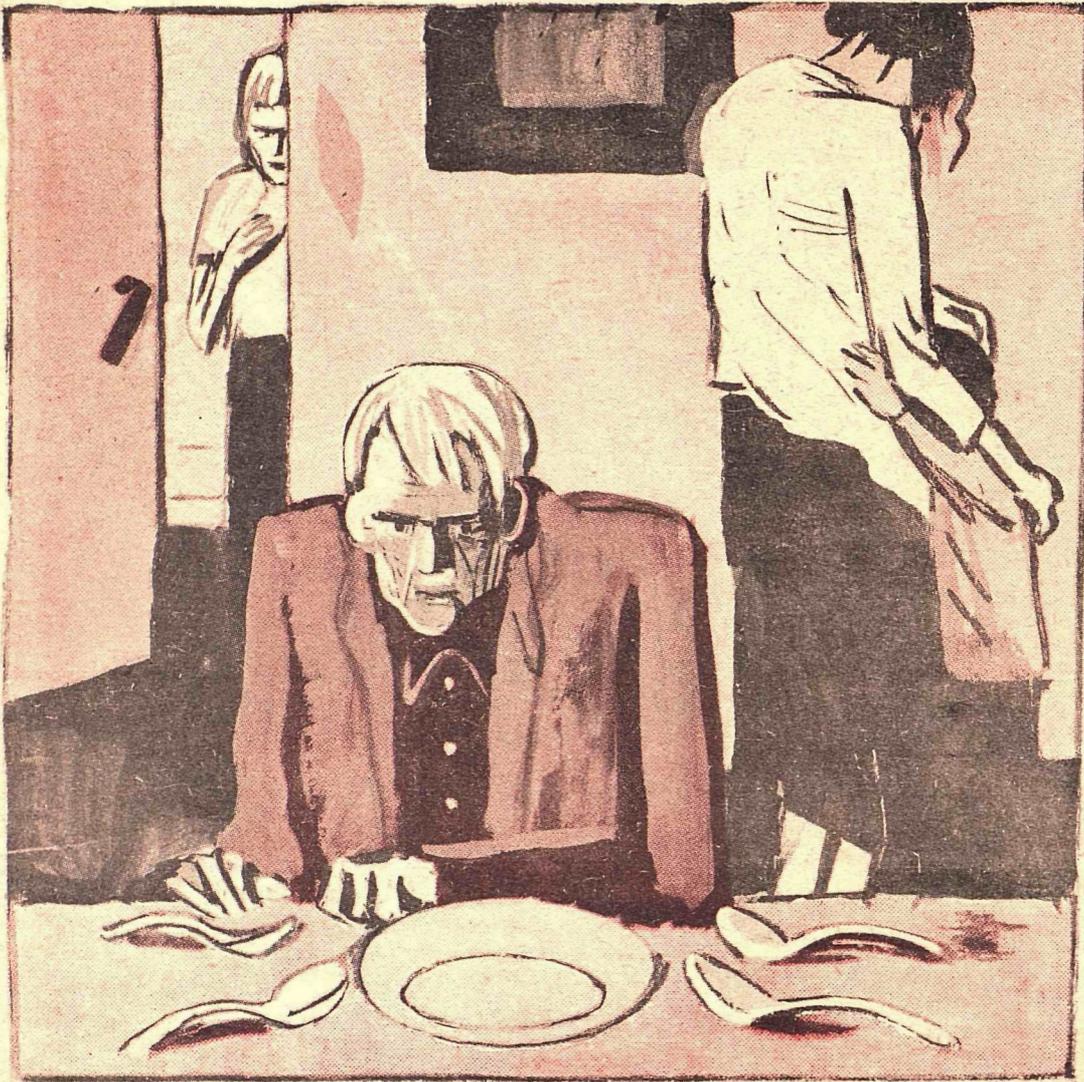
Дед перекинул теплые порты на плечо и, шатая с господами, говорил:

— Теперь-то оно еще ничего. Постреляют, побьют десяток или два немцев, а вот в ноябре месяце или вот в морозы, вьюги, ну тогда удержу им не будет. И у кого если на совести чего нехорошее есть, тому и дожидаться той поры не надо, а бежать, и бежать, и бежать.

Перестрелка в лесу усиливалась.

А. КОЛОСОВ

Рис. В. Горяева

— В детстве за непокорность меня лишали сладкого. Став взрослым, я покорился... И лишился всего.

Двадцать фюреров

ШВЕДЫ — честные и трудолюбивые люди. Но, как говорится, в семье не без...

Короче говоря, в шведском городе Гетеборге собралось два десятка уродов. Съехались они сюда с разных концов страны на конференцию.

На повестке дня этой конференции уродов стоял один вопрос: избрание фюрера.

Они правильно рассудили: не может существовать ни фюрер без уродов, ни уроды без фюрера.

Дело в том, что в Швеции крутятся, вертятся целых двадцать фашистских организаций. В каждой из них 1½—2 человека. А может, и немногим больше, мы не знаем точно числа всех шведских босаков.

И вот из Берлина получен приказ: в срочном порядке собраться, объединиться и найдя достойнейшего предателя выбрать в шведские Квислинги.

Конференцию открыл отставной капитан Карл Стеен. Без лишних разглагольствований он тут же в своем вступительном слове предложил кандидатуру в фюреры. О своем кандидате он говорил тепло и проникновенно:

— Вот человек, которого мы должны единогласно избрать. Лучшей кандидатуры нам и днем с огнем не сыскать. Да, я знаю: вы скажете, что это не совсем светлая личность. На это я во всю мощь своего голоса отвечу: долой светлые личности! Исходя из всего вышесказанного, предлагаю в кандидаты самого себя. Я кончил.

Но с этим предложением не совсем согласился следующий оратор, Мидбю.

Он, конечно, отдаст должное темному прошлому уважаемого капитана в отставке, но здесь имеются люди с еще более высокими заслугами перед обществом.

— Я знаю человека, который в жизни не запятнал себя ни одним благородным поступком. Его от всей души и предлагаю в фюреры. Этот человек — я!

Слово взял Мюлунд, редактор бульварного листка «Дагенс эко»:

— Господа! Никто из присутствующих здесь не посмеет сказать ни в глаза, ни за глаза, что всеми нами уважаемые Стеен и Мидбю — не прохвосты. Этого у них никто не собирается отнять. Но истинный фюрер должен уметь бесстыдно лгать. А я, как вам известно, имею в этой области некоторый опыт. А посему избрать надо меня.

— Ничего подобного! — возразил Аксель Экстрем. — Истинный фюрер должен быть припадочным. Имею справку от врача, что я...

— Все это чепуха! — прервал его какой-то долговязый субъект с подбитым глазом. — Я могу собственную мать собственноручно зарезать.

Ему резонно ответили:

— А ты раньше на деле докажи, а потом лезь в фюреры.

— И докажу! — сказал субъект и обиженный сел на свое место.

Двадцать делегатов были на этой конференции. Предложено двадцать кандидатур в фюреры. За каждого кандидата был подан лишь один голос — голос самого кандидата.

На этом конференция и закончила свою плодотворную работу. Фюрера не удалось избрать.

Участники конференции в Гетеборге благополучно разъехались. И каждый из них в душе считает себя настоящим Квислингом, подлинным мерзавцем, а остальных кандидатов — жалкой шпаной.

Г. РЫКЛИН

— Что случилось с пленным?
— Не знаю, товарищ командир. Но как сказал я ему: „Тебе будет у побледнел и упал в обморок.“

Метким

Смех, веселая шутка — всегда желанный. Недаром уголки сатиры и юмора во неизменным и заслуженным успехом у советской Армии, «Патриот родины», «На разгром в Редакция и в дальнейшем будет знаком и юмора во фронтовой печати.

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

— Да, Ганс, сегодня снова русские наших побили.

— И много?

— Одних самолетов не меньше ста.

— Откуда ты знаешь?

— Геббельс по радио выступал. Он сказал, что нами сбито не меньше ста русских самолетов.

— Да, в таком случае ты прав.

(«Патриот родины»)

СЕМЕЙНАЯ СЛАБОСТЬ

У нас к баронам семейная слабость: мы к баронам неравнодушны: я любил барона Врангеля, сын мой добил барона Унгерна, а внук добивает сейчас барона Маншпергейма.

(«Красный черноморец»)

Рис. А. Баженова

— Пара стоптанных туфель и заплатанная сорочка за три месяца войны на восточном фронте? Трус! Жалкий трус!

Наука юношей питает

НАЧАЛСЯ учебный год. Дети пошли в школу.

В Германии тоже дети пошли в школу. Но лучше бы они в школу не ходили: из этого ничего путного не получится. То есть что-то получится, но не то, что надо. Уж очень там преподавание особенное.

Например открываем немецкий учебник арифметики. Это задачник Келлера и Графа. Перелистываем. Рассчитываем найти привычную задачку. Что-нибудь такое: «В бассейн вливается 30 ведер в час...»

Оказывается, ничего подобного. Там таких задач не имеется. Там вот какие задачи:

«Бомбовоз может взять на борт одну разрывную бомбу весом в 350 кг, три по 100 кг, четыре газовых бомбы по 150 кг и 200 зажигательных снарядов по 1 килограмму. Спрашивается: сколько можно прибавить зажигательных бомб по 0,5 кг, если грузоподъемность будет повышена на 50 процентов?»

Может быть, эта задачка случайно затесалась в учебник? Может быть, другие задачи рассчитаны на детскую психику?

Ничего подобного. Весь задачник набит таким же военным материалом. Например:

«Самолет летит со скоростью 240 км в час к точке, находящейся от места вылета на расстоянии 210 км, чтобы сбросить там бомбы. Через сколько времени возвратится самолет, если на сбрасывание бомб ему потребуется 7,5 минуты?»

Вообще говоря, самолет может и не возвратиться, если наши зенитки встретят его подобающим образом. Но детям об этом, конечно, не сообщается. Это, так сказать, выходит из области арифметики. Это уж — нечто вроде алгебры.

А кстати, интересно знать, как там у них дело обстоит с алгеброй?

Точно так же, как и с арифметикой. Вот задача по алгебре из учебника Отто Цолля:

«Сколько человек может поместиться в га-воубежище длиной в 5 метров, шириной в 4 метра и высотой в 2,25 метра, рассчитывая, что пребывание там продлится 3 часа и что на одного человека требуется 1 кубометр воздуха в час?»

Может быть, химия у них выдержана в более спокойных тонах?

Наоборот. В учебнике химии, как говорит-ся, берут быка за рога.

Автор учебника Вальтер Кинтоф пропове-дует:

«Химическая война должна выполнять двоякую задачу: причинить значительный ущерб противнику и морально дезорганизовать гражданское население, то есть ослабить его сопротивляемость».

Перейдем в таком случае к истории. По-смотрим, чему история учит немецких детей.

В учебнике истории Герберта Гебеля ска-зано:

«Французов уже вряд ли можно считать народом, принадлежащим к белой расе, ибо около шестой части населения Франции со-стоит из негров».

Если французы — негры, то интересно уз-нать, что сказано про славян.

В этом же учебнике Гебеля вот что сказа-но про славян:

«Славяне первоначально принадлежали к се-верной расе, но уже в древнейшие времена настолько перемешались с монгольскими пол-чищами, что от их северной крови почти ни-чего не осталось. Это обстоятельство приве-ло к тому, что славяне в области культуры не создали ничего значительного».

Не будем спорить с ненормальными людь-ми.

И на троцканье возьмем какой-нибудь ти-хий, нейтральный предмет. Например рисо-вание.

Неужели и этот детский предмет приспо-соблен для нужд фашистского государства? Именно так.

В журнале «Искусство и юношество» напе-чатана статья Штюлера. В статье сказано:

«Воздушный налет, стрельба из зенитных орудий, взрывы, горящие дома, прыжки с па-рашютом, работы пожарных команд и санитар-ных дружин — все это составляет мир пере-живания десятилетних детей и должно най-ти отображение в их рисунках».

Ну, что ж. Все ясно. И вопросов, как го-ворится, больше не имеем.

Мих. ЗОЩЕНКО

Все время он был здоров и весел, нас, как у себя дома", — он сразу

ударом

ные гости у наших бойцов и командиров. фронтной и флотской печати пользуются оих читателей.

из сатирических отделов газет «Красная рага» и «Красный черноморец». омить своих читателей с образцами сатиры

В РАЙОНЕ БЕРЛИНА

— Дедушка, кто разрушил этот завод?

— Это, детка, несуществующая советская авиация послала сюда несуществующие советские самолеты, которые сбросили несуществующие советские бомбы... В результате и завод перестал существовать.

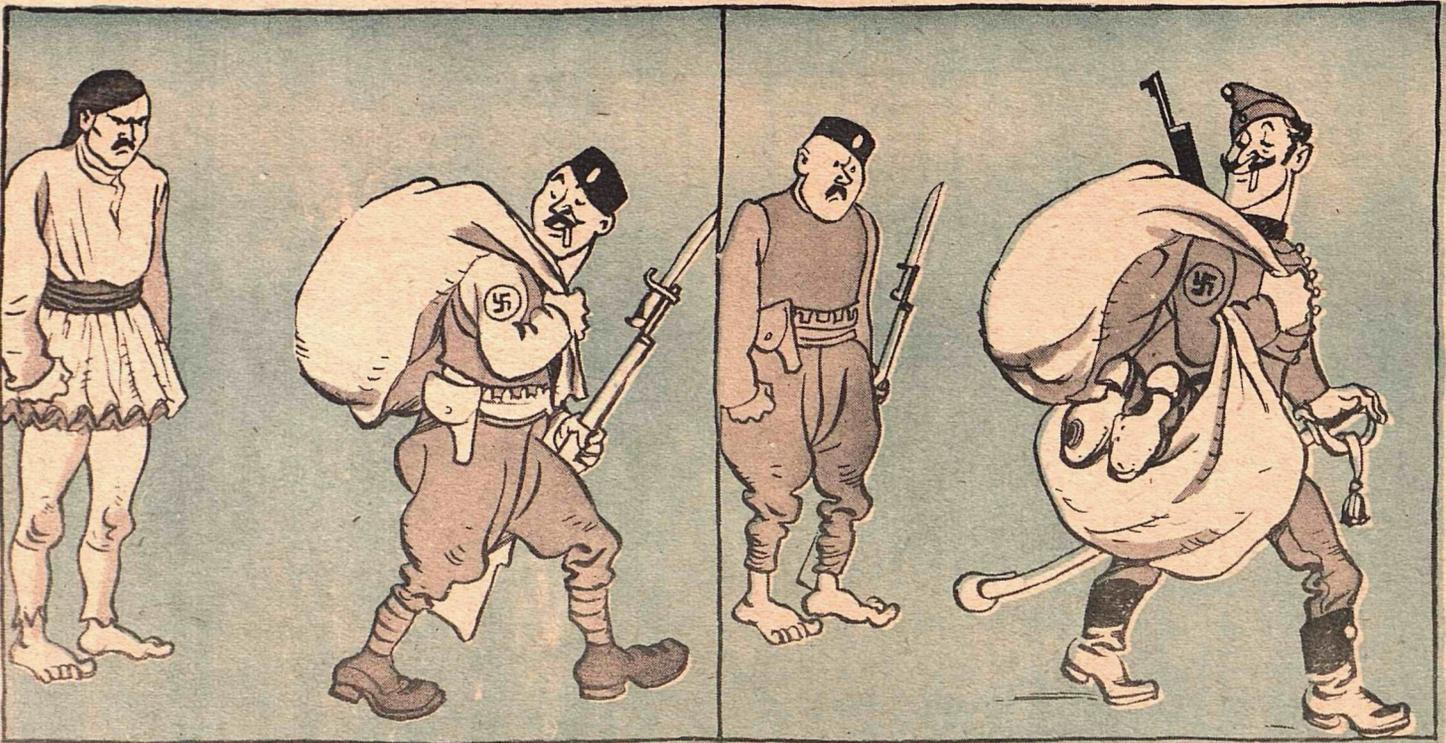
(«Красная Армия»)

ИЗ НЕМЕЦКОГО ПИСЬМА С ФРОНТА

«Говорят, фюрер сказал, что мы одержим победу в 1941 году. Что касается нашего полка, то нам абсолютно необходимо одержать победу не позже, чем завтра, потому что послезавтра в нашем полку уже некому будет ее праздновать».

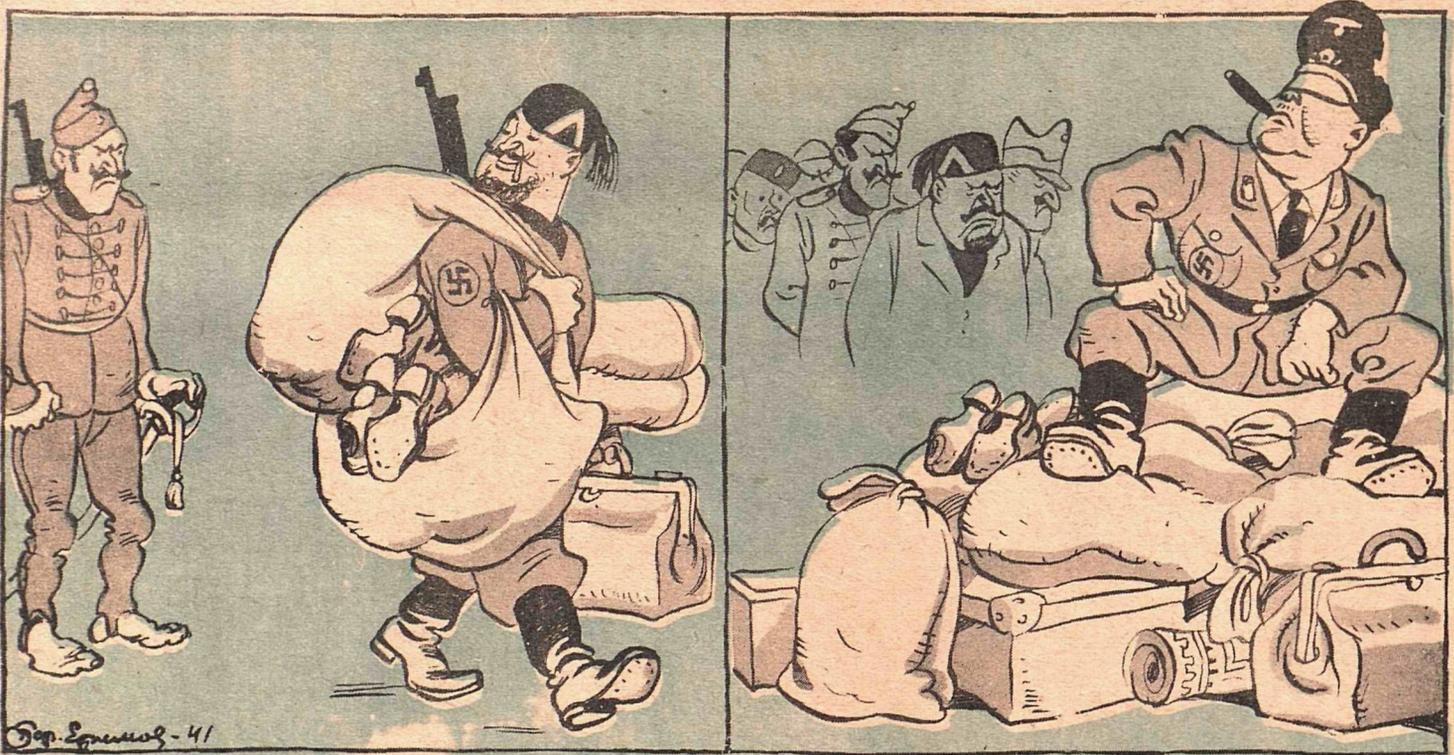
(«На разгром врага»)

Рис. Бор. Ефимова

Хорват „организует“ грека.

Венгерец „организует“ хорвата.

Итальянец — венгерца.

Немец — всех перечисленных.

Калинкинские яблочки

1

На выставке толпа у маленькой витрины.
Пять яблочков прислал на выставку Калинкин.
Пять яблочков прислал, как в сказке, золотых,
Невиданной еще, волшебной красоты!
Румяней нежных роз! Желтее, чем лимоны!
(Пока их только пять, а будут миллионы!)
Мичуринским трудом Калинкин их взрастил —
Пять яблочков. И в них
его колхозный стиль!

2

На стрельбище пришел Калинкин бородатый.
«А ну-ка,— говорит,— держитесь-ка, ребята!
Посмотрим,— говорит,— кто будет эспереди!»
Горластая труба сигналил: «По-па-ди!»
Гремит стрельба... Отбой труба, выводит эычно:
— Калинкин, как дела? — Похоже на «отлично»!
Пять пуль он, как одну, все в «яблочко» вместил.
«Пять в яблочко» — таков
его стрелковый стиль!

Н. КОЛЕСНИКОВ

ЮП 41

— А помнишь, Гитареску, как нас на концерте в Яссах забросали гнилыми яйцами?

— Да-а, золотое было время. Не то, что сейчас...

Черноморцы

— Черноморцы? Что такое? —
Антонеску спросил. —
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?

Черноморцы не молчали,
Очень быстро отвечали,
По-моряцки, резко
В адрес Антонеску.

Под Одессой кукуруза
Ростом непомерная.
Для румынского для шуза
Пища очень скверная.

В кукурузе этой пышной
Черноморцы водятся.
За румынами неслышно
День и ночь охотятся.

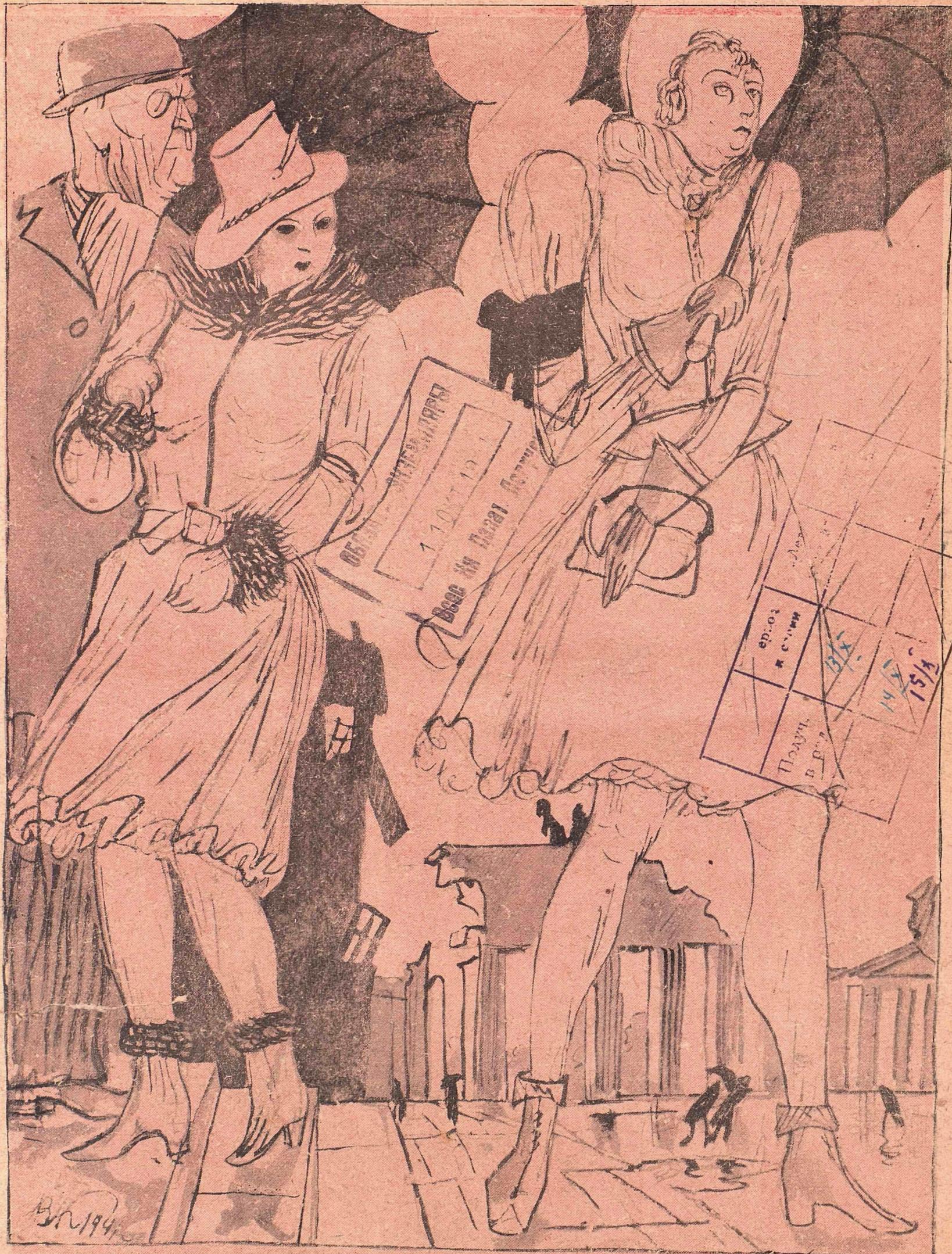
Черноморцы-моряки
Бьют румын без счета,
Богатырские штыки
У морской пехоты.

Бескозырки и бушлаты
Все румыны знают.
Чуть завидят — нам не рады,
Сразу удирают.

Бьют гранаты с шумом, с треском,
На, фашист, покушай!
Угостить бы Антонеску
Черноморской грушей!

Под Одессой у румына
Вид весьма унылый.
Под Одессою румыны
Все найдут могилу.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

- Посмотри, как Лотта разодета!
- Ничего удивительного: шляпку и зонт ей прислали из Парижа, костюм — из Норвегии, а обувь — из Варшавы.
- А из России что она получила?
- Черный креп на рукаве.